

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК X

СРЕДНЯЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

ГЕОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1971

Е. В. Зеймаль

«СИНО-КХАРОШТИЙСКИЕ» МОНЕТЫ
(к датировке хотанского двуязычного чекана)

Хранящаяся в Государственном Эрмитаже небольшая коллекция восточнотуркестанских монет «сино-кхарошти» (на лиц. ст. — индийская легенда кхарошти, на об. ст. — китайская легенда) происходит частично из хотанских сборов Н. Ф. Петровского¹ (№ 2—5, 9, 10, 14—18 — см. список и рис. 1), подтверждающая определение этих монет как местного хотанского чекана². Не установлено, кто и когда выпускал эти монеты: их приписывали и независимым хотанским владельцам, и китайской администрации в Хотане, и даже одному из последних индо-греческих царей — Гермею³. Наиболее ранняя из предлагавшихся для «сино-кхарошти» монет датировок — «начиная со времени императора Ву династии Хань (120 г. до н. э.) или даже раньше»⁴, наиболее поздняя — последние годы VI в. н. э. (точка зрения М. Деверья). Расхождение в датах почти на восемь столетий — редкий историографический курьез, главная причина которого состоит в том, что сами монеты «сино-кхарошти» исследованы пока довольно поверхностно. Из сотен экземпляров, накопленных сейчас в различных нумизматических собраниях мира⁵, вряд ли издана (с фототипическими или фотографическими воспроизведениями) даже одна десятая часть⁶.

¹ В кратком сообщении о «сино-кхарошти» монетах Н. Ф. Петровского, поступивших в Эрмитаж, Э. Бланк [8, стр. 238; ср. 11, стр. 235—236] называет 21 монету, но в основное собрание отдела нумизматики Эрмитажа были включены только 12 экз.: остальные, видимо, были плохой сохранности. О других вещах из Хотана, собранных Н. Ф. Петровским, см. [3]. Приведенные ниже экз. № 11 и 21 были переданы в Эрмитаж из Музея антропологии и этнографии АН СССР в составе восточнотуркестанской коллекции М. Березовского (сборы 1905—1907 гг.), экз. № 13 и 19 — из нумизматического собрания бывш. Азиатского музея. Для № 6, 7, 20 (переданы из историко-лингвистического института) и № 1 и 8 (поступление 1924 г.) сведений о происхождении не имеется.

² Из Хотанского оазиса (в первую очередь, с городища Йоткан — развалин древней столицы оазиса) происходит подавляющее большинство документированных находок рассматриваемых монет [24, стр. 575—580; 26, стр. 101—102, 1340—1349; 25, стр. 99, 130, 822, 988—995; ср. 11, стр. 239—244]. Предлагавшаяся Ф. Томасом [29] локализация «сино-кхарошти» монет в Яркенде не может быть принята: спорная по историческим допущениям, положенным в ее основу, схема Ф. Томаса не только не учитывает сведений об ареале находок, но и прямо противоречит им.

³ Литература о «сино-кхарошти» монетах тщательно проанализирована в работе К. Эноки [11], которую нет необходимости дублировать.

⁴ Эта датировка хотанского двуязычного чекана — последнее по времени слово науки на эту тему — предложена К. Эноки [11].

⁵ Самыми крупными коллекциями монет «сино-кхарошти» располагают Британский музей (из сборов С. Годфри, А. Тальбота, Р. Хёрнле и др.) и Индийский национальный музей в Дели (сборы А. Стейна).

⁶ Если исключить публикации прорисовок [10; 14; 17; 20; 23 и др.], то 16 экз. были изданы Р. Хёрнле [15, табл. I, 6, 8—18 и табл. III, 2—4], 10 экз. — А. Стейном [24, табл. XLIX и табл. LXXXIX, 2—4], 1 экз. — Р. Уайтхедом [30, табл. XVI, 134].

№	Инв. №	Оси	Вес в граммах	Лицевая сторона	Оборотная сторона
1	583	XII	14,55	в круговом картуше — стоящий вправо двугорбый верблюд; по внешнему контуру картуша — следы легенды кхарошти	в круговом картуше — *; вокруг картуша круговая китайская легенда — <i>люй цянь чжун нянь сы чжу</i> («резаная монета весом в 24 чжу») **; поле монеты обрамлено орнаментальным поясом
2	582	IV	5,58	стоящий вправо двугорбый верблюд (не заключен в картуш); круговая (с I часа) легенда кхарошти — <i>махараджаса раджа[ти]раджаса</i> ра[джатираджаса]...	в центре (без обрамления) — ; сверху <i>лю</i> , справа <i>чжу</i> , слева <i>цянь</i> («монета в 6 чжу [весом]»)
3	573 серебро	III	3,38	стоящий вправо конь; круговая (с I часа) легенда кхарошти — <i>маха[раджутхаби Гугхамуйа]</i>	сверху <i>лю</i> , справа <i>чжу</i> (?), слева <i>цянь</i> («монета в 6 чжу [весом]»)
4	570	III	15,98	в круговом картуше — шагающий вправо конь; по внешнему контуру картуша круговая легенда кхарошти (с XI часа) — <i>махараджаса раджа[ти]раджаса шахи ра... Гугхамайаса</i> ***	в круговом картуше в центре — <i>бэй</i> ; вокруг картуша круговая китайская легенда <i>люй цянь чжун нянь сы чжу</i> (ср. экз. № 1) и такое же, как на № 1, обрамление поля (легенда читается против хода часовой стрелки)
5	571	IX	15,92	то же, но легенда сохранилась менее полно	то же, но легенда читается по ходу часовой стрелки
6	КП-583/138	VI	14,82	то же, но легенда сохранилась менее полно	то же, но знаки легенды плохо видны
7	»	II	13,38	то же	то же
8	572	XI	16,09	то же, но легенда не поддается чтению	то же
9	581	I	3,15	в круговом картуше — шагающий вправо конь, по внешнему контуру картуша следы легенды кхарошти	в центре (без обрамления) — знак (плохо различим); следы китайской легенды <i>лю чжу цянь</i> (?)
10	574	XI	3,17	стоящий вправо конь; по кругу легенда кхарошти (с XI часа) — <i>маха[раджутхаби] Гугхамуйа</i>	китайская легенда <i>лю чжу цянь</i> («монета в 6 чжу [весом]»), лишь частично уместившаяся в поле монетного кружка
11	Ку-788	I	3,38	то же, но худшей сохранности	то же, но худшей сохранности

№	Инв. №	Осн	Вес в граммах	Лицевая сторона	Оборотная сторона
12	575	XI	4,01	то же, но легенда кхарошти (с XI часа) <i>маха[ра... ..]раджашидиса (?)</i>	то же, но иное расположение легенды и менее архаичное начертание лю
13	AM****	VII	3,18	то же, но легенда кхарошти (с IX часа) <i>махара[джуха]би... муйаса (?)</i>	то же
14	576	X	3,61	то же, но легенда кхарошти с X часа	то же
15	577	IX	3,60	то же, но легенда кхарошти (с XII часа) видна частично	то же
16	578	II	3,91	то же, но легенда кхарошти — с X часа (?)	то же
17	579	IV	3,09	то же	то же
18	580	XI	3,24	то же, но легенда кхарошти — с I часа (?)	то же
19	AM	V	2,96	то же, в легенде кхарошти различными... <i>раджа...</i>	то же
20	КП. 583 138	VI	2,91	то же, легенда не читается	различными только следы китайской легенды
21	Ку-790?		2,61	различными только следы изображения	то же

* Возможно, этот знак (ср. также знаки на № 2 и 9) не является китайским иероглифом (ср. [15, 8—10]; [24, 205]), а представляет собой разновидность родового знака или тамги хотанских правителей (ср. знаки [15, табл. I, 17; табл. III, 1,4]).

** Чтение китайских легенд здесь и ниже принадлежит Н. В. Ивочкиной, хранителю дальневосточных монет отдела нумизматики Гос. Эрмитажа, любезными консультациями которой я пользовался. К. Эноки принимает несколько иное чтение китайской легенды на хотанских монетах в 24 чжу — *tung ch'ien chung nien ssü chu* — «медная монета весом в 24 чжу»; читать первый иероглиф этой легенды как *люй* «резанный» (а не *tung* «медный», как вслед за Р. Хёрнле читает К. Эноки) предлагал еще С. Бушель; принятое здесь чтение подчеркивает отличие «резаных» (т. е. чеканенных) монет от обычных для китайского монетного дела литых, а начертание перво-

го иероглифа на монетах ближе к — *люй*, чем к *тун*.

*** По Р. Хёрнле [15] и К. Эноки [11] легенда кхарошти на монетах этой группы читается *maharajasa rajatirajasa mahatasa Cugramayasa* (с вариантами имени — *Gugramadasa, Gugradamasa, Gugratidasa*). Если бы чтение титула *шахи* было бы надежно засвидетельствовано большим числом экземпляров, мы располагали бы еще одним проявлением хотано-кушанских связей, так как *шахи* как элемент титулатуры кушанских царей (начиная с Канишки) встречается в индийских надписях.

**** Экз. № 13 и № 19 поступили в отдел нумизматики Гос. Эрмитажа в составе коллекции бывш. Азиатского музея; экз. № 11 и 21 хранятся в отделе Востока Гос. Эрмитажа в составе коллекции М. Березовского (сборы в Восточном Туркестане в 1905—1907 гг.); экз. № 6, 7, 20 также не включены в основное собрание отдела нумизматики, и для них указан их общий номер по книге поступлений — 583/138.

Публикуемые здесь эрмитажные экземпляры по различиям в металле (№ 3 — серебро, остальные медные), в номиналах (№ 1, 4—8 «весом в 24 чжу», остальные «[весом] в 6 чжу»), в изображениях (на лиц. ст. № 1, 2 — верблюд, на остальных экз. — конь), а также по различиям в содержании и расположении китайской и индийской легенд составляют семь групп [I группа — № 1; II — № 2; III — № 3; IV — № 4—8; V — № 9; VI — № 10, 11; VII группа — № 12—21].

Видимо, монеты «сино-кхарошти» могут получить надежную историческую интерпретацию только после того, как будет создан корпус

этих монет. Его появлению должна предшествовать публикация отдельных коллекций, пусть даже небольших (как эрмитажная). Естественно, что такие публикации не могут претендовать на окончательное и полное решение всех спорных вопросов. В частности, публикация монеты «сино-кхарошти» Гос. Эрмитажа, пришлось отказаться от рассмотрения метрологических вопросов, а также не касаться особенностей написания имен правителей и титулатуры в легенде кхарошти, так как существующие разновидности хотанских двуязычных монет в Эрмитаже представлены в основном единичными экземплярами, неполностью сохранившими легенду.

Для того чтобы сузить диапазон колебаний в датах, мне кажется, необходимо в первую очередь опираться на заключения, непосредственно следующие из анализа самих монет.

Большие различия между экземплярами даже в пределах одной группы показывают, что выпуск монет «сино-кхарошти» не был кратковременным актом. Например, различия в начертании иероглифа *лю* (ср. экз. № 2, 3, 10, 12, 18), а также в манере изображения коня объяснимы, только если допустить, что в изготовлении этих монет участвовало много мастеров (видимо, не менее пятнадцати), резавших штампы для чеканки. Типы «шагающий конь» и «стоящий конь» — различаются не только положением ног животного: «стоящий конь» — с неестественно коротким туловищем и непропорционально массивной передней частью — выполнен, как правило, менее достоверно анатомически. Только знакомство с изображениями на других экземплярах позволяет распознать в этом изображении лошадь, а не горбатого быка-зебу (ср. № 3), оленя (№ 12), собаку или волка (№ 15, 17). Возможно, в дальнейшем (например, при подготовке корпуса монет «сино-кхарошти») по таким второстепенным различиям удастся наметить относительную хронологию хотанских двуязычных монет, а не только констатировать применение в чеканке монет «сино-кхарошти» большого количества штампов, изготовленных разными мастерами.

Второе положение, также непосредственно следующее из анализа монет (легенда лиц. ст.), — выпуск хотанских двуязычных монет осуществлялся местными правителями, носившими индийские (индо-иранские) имена и употреблявшими в качестве официального языка пракрит. Титул *махараджаса раджатираджаса* (*махатаса*) показывает, что эти правители могли иметь в своем подчинении более мелких владетелей (с титулом *раджа*).

Оборотная сторона полностью занята обозначением веса монеты. В том, что китайской легендой обозначен именно вес, а не название денежной единицы, убеждает сопоставление экз. № 3, чеканенного из серебра⁷ и имеющего надпись «монета в 6 чжу», с малыми медными монетами, имеющими такую же легенду — «монета в 6 чжу». Факт присутствия на рассматриваемых монетах китайской легенды породил попытки отнести выпуск хотанских двуязычных монет ко времени существования в оазисе китайской администрации. В китайском монетном деле, однако, не находят себе соответствия ни техника изготовления «сино-кхарошти» монет (большинство экземпляров чеканенные, а не литые), ни их форма (сплошной кружок без отверстия), ни соотношение между номиналами (1 : 4). Все политическое содержание хотанских двуязычных монет заключено в легенде лицевой стороны, сообщающей титул и имя царя, при котором выпущена монета, но ни-

⁷ Насколько мне известно, кроме эрмитажного, существует еще только один серебряный экземпляр монет «сино-кхарошти» (также с легендой «монета в 6 чжу»), принадлежащий Британскому музею [11, 238].

Двуязычные хотанские монеты Государственного Эрмитажа

как не отражающей зависимость Хотана от Китая. Присутствие китайской легенды на «сино-кхарошти» монетах может получить иное, не связанное с политической зависимостью, объяснение. Можно было бы вспомнить для этого и о китайских купцах, поддерживавших торговые связи с Хотаном, и о китайском населении в Восточном Туркестане [9; 28]. Но гораздо важнее, видимо, та примерная реконструкция общей картины денежного обращения в дрезнем Хотане, которой мы сейчас можем располагать. Судя по находкам, китайские монеты («у шу», выпуски Ван Мана и др.) занимали важное место в обращении на хотанском рынке⁸. Их проникновение в Хотан и обращение там могло установиться во время существования в оазисе китайской администрации. Поскольку китайские монеты — наиболее ранние из находимых в оазисе, не исключено, что именно с них началось употребление в Хотане денег в торговых сделках. Во всяком случае, китайская монета участвовала в денежном обращении Хотана довольно рано, а китайская легенда на монетах «сино-кхарошти» могла предназначаться для стоимостного соотношения местного чекана с китайской монетой, ходившей в оазисе.

Так как имена царей, содержащиеся в легенде лицевой стороны, не находят соответствия в письменных источниках, «сино-кхарошти» монеты можно пытаться датировать только по косвенным данным. Один из таких путей — определение прототипов, использованных при создании местных монетных типов. Хотан — область, расположенная на стыке двух историко-культурных (и нумизматических) регионов — китайского и индо-бактрийского. Среди монетных выпусков этих регионов и следует искать прототипы хотанских монет; даты прототипов могут участвовать (в качестве *terminus post quem*) в определении времени выпуска «сино-кхароштийских» монет. Как показал К. Эноки [11, стр. 260—266], круговое расположение и архаическое начертание китайской легенды (ср. № 1, 4—8) позволяют считать, что прообразом для нее послужили надписи на китайских монетах, выпускавшихся в конце периода «Сражающихся царств» и до 120 г. до н. э. Но из этого не следует, как это считает К. Эноки, что и дата монет «сино-кхарошти» — около 120 г. до н. э. Находки предполагаемых прототипов (т. е. китайских монет, выпускавшихся во II в. до н. э.) в Хотане не засвидетельствованы. Но даже если вслед за К. Эноки допустить, что они были известны в Хотане с конца II в. до н. э., 120 год до н. э. можно принимать во внимание для датировки «сино-кхароштийских» монет только как *terminus post quem*, но не *terminus ad quem*.

Прототип лицевой стороны хотанских монет следует искать среди монет индо-бактрийского региона, на которых изображение коня встречается довольно часто. К типам монет «сино-кхарошти» композиционно наиболее близки стоящий влево конь на монетах индо-греческого царя Гиппострата [13, табл. XIV, 8; 30, табл. VIII, 629], шагающий вправо конь на монетах индо-греческого царя Гермея [13, табл. XV, 8; 30, табл. IX, 679], шагающий влево конь на юечжийских подражаниях монетам Гелиокла [13, табл. VII, 4; 30, табл. III, 139, 142; 7, № 9—12], а также изображения коней на монетах индо-сакских царей. Но ни одно из этих изображений нельзя с уверенностью признать прямым прототипом коня на хотанских монетах.

⁸ Ср., например, описки находок китайских монет в Хотане, приводимые Р. Хёрнле [15, стр. 16 сл.] и А. Стейном [24, стр. 575 сл.]. Видимо, существовала также местная хотанская монета, изготовлявшаяся по китайскому образцу, — с продолговатым (не квадратным) центральным отверстием и двумя иероглифами [15, табл. II, 3; 23, табл. LXXXIX, 5].

Другой сюжет — двугорбый верблюд — встречается значительно реже в многовековой чеканке индо-бактрийского нумизматического региона. Его изображение на «сино-кхароштийских» монетах непосредственно сопоставимо только с изображением двугорбого верблюда вправо на одной из групп монет Куджулы Кадфиза, первого кушанского царя [30, табл. VII, 18; 5, рис. 1, 3, 4]. Сходство здесь не только общее, композиционное, но и в манере изображения второстепенных деталей (хвост, ноги и т. п. — рис. 2)⁹. Титул Куджулы Кадфиза в легенде кхарошти (на той же стороне его монет, где изображался верблюд) очень близок к титулатуре хотанских владетелей на монетах «сино-кхарошти» — *махараджаса раджадираджаса* [девануптраса?]. И наконец, весьма существенно для определения этих монет Куджулы Кадфиза как прототипа хотанских монет, что именно такие монеты основателя Кушанского царства были найдены в Хотане [24, 575, табл. LXXXIX, 1]. Принимая время правления Куджулы Кадфиза в качестве *terminus post quem* для хотанских монет, мы тем самым должны признать невозможной датировку «сино-кхарошти» монет концом II в. до н. э., предлагавшуюся К. Эноки.

Монеты Куджулы Кадфиза

Таким образом, если исходить из нумизматических данных, то историческая ситуация в Хотане, при которой могли быть выпущены монеты «сино-кхарошти», предполагает:

- 1) длительное (не менее двух-трех поколений¹⁰) пребывание у власти местных владетелей *махараджа раджатираджа*, которым были подчинены более мелкие правители (с титулом *раджа*);
- 2) отсутствие в Хотане китайской администрации;
- 3) знакомство хотанского рынка с китайской монетой (и, возможно, ее участие в местном денежном обращении);
- 4) существование связей Хотана с Кушанским царством, уже существовавшим к началу выпуска монет «сино-кхарошти».

Можно сопоставить эти заключения, основанные на изучении монет, с тем, что известно о древней истории Хотана по данным письменных источников, неоднократно приводившимся в литературе. Со времени посольства Чжан Цяня и до середины I в. н. э. Юйтянь=Хотан был одним из мелких восточнотуркестанских владений и не играл сколько-нибудь заметной роли. Во второй половине I в. до н. э. здесь существовали чиновники китайской администрации [1, стр. 177, ср. 215—216]. С начала I в. н. э. Хотан (вместе с другими владениями Западного края) становится независимым, но долго остается в стороне от борьбы, которую вели в 30-х годах I в. н. э. владетель Согоя (Яркенда) Хянь и другие восточнотуркестанские владетели. До 57 г.

⁹ Два других случая, когда на индо-бактрийских монетах изображен верблюд (шагающий влево верблюд, на уникальной квадратной монете индо-греческого царя Менандра [22, табл. V, 11]; царь верхом на верблюде вправо, на квадратной медной монете индо-сакского царя Аза [30, табл. XII, 305]), не имеют ничего общего ни композиционно, ни стилистически с изображением верблюда на хотанских монетах.

¹⁰ Широко распространение в литературе — от П. Гарднера [14, стр. 276—278] до В. Тарна [27; 338] и Р. Фрая [12, 7] — чтение на «сино-кхарошти» монетах имени Гермея эрмитажными экземплярами не подтверждается. По Р. Хёрнле [15; 16] существовало не менее пяти разновидностей написания имен, которые могли принадлежать трем разным лицам. К этой точке зрения примкнул и К. Эноки [11].

Хотаном правил владетель по имени Юйлинь. Когда Хянь подчинил себе Хотан, он назначил (вместо Юйлиня) правителем Гюньдэ, одного из своих военачальников. В 60 г. Гюньдэ был убит, а хотанский военачальник Хюлюба «сам объявил себя хотанским владетелем» и нанес серьезные поражения войскам Хяня. Вскоре Хюлюба «умер от раны стрелой», и «хотанский министр Суюйэ с прочими поставил хотанским владетелем Гуандэ, хюлюбаева племянника от старшего брата» [1, стр. 232—233]. В 61 г. Гуандэ захватил Ханя в плен, а Яркенд подчинил Хотану. При нем же Хотану «покорились тринадцать владений, лежащие от Цзингюэ [соврем. Сугет] на северо-запад до Кашгара». Одновременно усиливается владение Шань-шань (Лоу-лань), в результате чего «с этого времени по южной дороге от Луковых гор на восток только помянутые два владения [т. е. Хотан и Лоу-лань] считались большими» [1, стр. 222—223].

Таким образом, только в 60-х годах I в. н. э. Хотан впервые становится заметной политической силой. Но подъем этот, начавшись при Гуандэ, при нем и заканчивается: начиная с 70-х годов Гуандэ терпит неудачи в борьбе с китайским эмиссаром в Западном крае Бань Чао и подчиняется ему [2]. Все это не позволяет отнести ко времени Гуандэ выпуск «сино-кхарошти» монет, да и имя этого хотанского владетеля нельзя отождествить ни с одним из имен на монетах.

Пребывание Бань Чао в Западном крае (до 100 г.) привело к насаждению там китайской администрации, но с начала II в. н. э. Восточный Туркестан снова выходит из подчинения Китаю. В 127 г. назначенный правителем Западного края Бань Юн, сын Бань Чао, «опять покориł Харашар, а после сего Кучу; Яркян, Хотан, Кашгар, всего семнадцать владений, добровольно поддались» [1, стр. 220]. Китайская администрация, восстановленная Бань Юном, существовала (с неизбежными спадами и подъемами ее практического влияния на дела) в течение полувека. В Хотане, по «Хоу Хань-шу», события в это время разворачивались довольно бурно, но в основе их лежала не «большая политика», а соперничество с маленьким владением Гюйми (соврем. Керия), ближайшим восточным соседом Хотана.

В 129 г. хотанский владетель Фанцянь захватил Гюйми, поставив там владетелем своего сына. Китайский двор приказал возратить Гюйми. Фанцянь не исполнил этого приказа, но послал в 131 г. ко двору с дарами своего сына. Тогда в 132 г. китайский наместник в Дунь-хуане Сюй Ю послал против Фанцяня кашгарского владетеля Ченьпаня с 20 тыс. войска, который восстановил Гюйми как самостоятельное владение. В 151 г.¹¹ начинается новый «тур» вражды с Гюйми: по навету владетеля Гюйми по имени Ченго хотанский владетель Гянь был обвинен в отравлении китайского чиновника Чжао Пьхина. В 152 г. новый китайский чиновник Ван Гин пришел в Хотан с войском и казнил Гяня. С Ван Гином расправился хотанский военачальник Шуцзи. Он «хотел объявить себя владетелем, но старейшины убили его, а владетелем поставили Аньго, сына покойного владетеля Гяня» [1, стр. 223]. Китайский наместник в Дунь-хуане Ма Да хотел выступить против Хотана, но император не только не разрешил ему совершить этот поход, но и сместил его. Сун Лян, назначенный вместо Ма Да, «потребовал от хотанцев, чтобы они сами отрубили голову Шуцзи; но уже прошло более месяца, как Шуцзи умер: почему отру-

¹¹ У Н. Я. Бичурина [1, 223] неверно указаны даты: вместо «в первое лето правления Ян-гя» должно стоять «в первое лето правления Юань-гя», что дает не 132, а 151 г. (и далее не 133, а 152 г.).

били голову от его трупа и препроводили в Дунь-хуан, а о сем обстоятельстве не донесли. Сун Лян после узнал об их обмане, но не мог предпринять похода; после чего хотанцы начали гордиться» [1, стр. 224].

Аньго, ставший владельцем Хотана в 152 г., напал в 175 г. на Гюйми, убил тамошнего владельца и «побил множество народа». Китайский «военный пристав и правитель Западного края выступили каждый со своими войсками и поставили владельцем гюймиского заложника Динхина» [1, стр. 222], но это вряд ли привело к реальному восстановлению Гюйми как владения, противостоящего Хотану: «в это время в Гюйми осталось не более 1000 душ» (из семи с лишним тысяч). Хотан же, по данным «Хоу Хань-шу», насчитывал 83 тыс. душ.

Приведенные сведения показывают, что китайская администрация больше всего опасалась усиления контролируемых ею владений. Именно трех правителей Хотана на протяжении второй и третьей четверти II в. — Фаньцзянь, Гянь и Аньго — очень далеки от имен правителей на монетах «сино-кхарошти». Р. Хёрнле (он датировал хотанский двуязычный чекан последней четвертью I—II вв. н. э. [15, стр. 11, 12, 16], т. е. временем существования в Хотане китайской администрации) пытался объяснить это несоответствие между именами в китайских хрониках и на монетах с помощью предположения о том, что хотанские владельцы имели двойные имена: местные, проставлявшиеся в монетной легенде, и китайские, под которыми Фаньцзянь, Гянь и Аньго выступали во взаимоотношениях с китайской администрацией. Никаких реальных оснований для такого предположения нет, если не считать противоречия между фактами и датировкой, которую Р. Хёрнле предлагал для «сино-кхароштийских» монет¹².

С 80-х годов II в. н. э. начинается период полной независимости Хотана, плохо освещенный, к сожалению, источниками. Известно, что в первой половине III в. Хотан снова становится одним из самых значительных владений в Восточном Туркестане: ему были подчинены владения Жунлу, Гюйми и Сулэ (Кашгар). Несколько посольств из Хотана к китайскому двору в первой половине III в. (202 г., 220 г. и, видимо, 222 г.) можно рассматривать как чисто дипломатические акции, но ни китайских чиновников, ни китайских гарнизонов в Хотане после 80-х годов II в. уже не было. Как отмечал Э. Паллейбланк в связи с предположением о кушанской «оккупации» Хотана [21], Хотан был наиболее открыт для кушанского влияния только с 80-х годов II в. А. Стейн писал, что нет прямых свидетельств китайского политического влияния в Хотанском оазисе в III—IV вв., кроме одного документа из Нийа, датированного пятым годом правления императора Ву ди — 269 г. [24, стр. 205; ср. 9, стр. 27].

Таким образом, не раньше конца II—III вв. в Хотане, достигающем значительного расцвета, сложилась ситуация, которая выше была охарактеризована (по нумизматическим данным) как наиболее подходящая для выпуска «сино-кхароштийских» монет. Во II в., когда Хотан контролировался китайской администрацией, китайская монета могла сделаться привычной для местного рынка, что привело позже к появлению китайской легенды и на самостоятельном хотанском чекане.

¹² Датируя монеты «сино-кхарошти» концом I—II в., Р. Хёрнле опирался главным образом на близость начертания легенд кхарошти на хотанских и кушанских (Куджула и Вима Кадфиз) монетах. Принимая ранний вариант кушанской хронологии (начальная дата Канишки — 78 г.), Р. Хёрнле не допускал, что после 200 г. могло существовать Кушанское царство. Именно поэтому для Р. Хёрнле был исключен выпуск хотанских монет после 200 г.

Необходимо с предлагаемой датировкой хотанских монет концом II—III вв. сопоставить даты, полученные для монет-прототипов. Китайские монеты с круговым расположением легенды, послужившие, по К. Эноки, прототипом оборотной стороны, выпускались около 120 г. до н. э. (в обращении они, видимо, оставались и несколько позже). Такой значительный — почти в четыре века — разрыв между китайским прототипом и хотанскими монетами, если они выпускались в конце II—III в., требует объяснения, которое (как и само определение прототипа) поневоле будет только гипотетическим. Во-первых, напомним, что «у шу» и другие китайские монеты I—II вв., обращавшиеся в Хотане при китайской администрации, были государственной монетой Китая; их политическое значение несомненно было известно в Хотане. Хотанские владетели, освободившись от зависимости в последней четверти II в. н. э., могли отказаться от них как от прототипа для своей чеканки по политическим мотивам. Монеты с круговым расположением легенды, легко отличимые чисто внешне от китайских монет I—II вв. н. э., видимо, были лишены для хотанцев такой политической «окраски». Умозрительность этого объяснения (как и определения прототипа) была бы менее ощутима, если бы мы знали, когда и каким путем в Хотане стали известны китайские монеты конца II в. до н. э. К. Эноки считает (хотя находки этих монет из Хотана и не известны), что они проникали сюда сразу после того, как были выпущены (т. е. в конце II в. до н. э.). Если предположение К. Эноки правильно, то, видимо, это были самые первые монеты вообще, с которыми познакомились хотанцы (например, во время недолгого существования здесь китайской администрации в I в. до н. э.), и, естественно, память о них (а может быть, и немногочисленные экземпляры) сохранились (точнее, могли сохраниться) в Хотане до конца II в. н. э. Но не исключены (пока мы не знаем китайских монет конца II в. до н. э. среди находок в Хотане) и другие варианты объяснения. В частности, судя по уверенному начертанию разными почерками китайской легенды, штемпели для оборотной стороны изготовлялись резчиками-китайцами, которые, возможно, были знакомы не только с современными для них монетами Китая, но и с образцами более ранних монет, один из которых, оказавшийся подходящим для «заказчика», и послужил прототипом для оборотной стороны монет «сино-кхарошти».

Датировочные «возможности» прототипа лицевой стороны — монет основателя Кушанского царства Куджулы Кадфиза — связаны с целым рядом трудностей, уводящих нас далеко из Хотана. Даты царствования Куджулы Кадфиза (и, соответственно, даты выпуска его монет) не могут считаться установленными и непосредственно зависят от того или иного варианта решения проблемы кушанской абсолютной хронологии¹³. Так, при начальной дате Канишки = 78 г. н. э. правление Куджулы Кадфиза должно приходиться примерно на 25 г. до н. э. — 35 г. н. э. [19, стр. 338]. Если помещать начальную дату Канишки в первую половину II в., то правление Куджулы Кадфиза, соответственно сдвигаясь, не выходит за рамки I в. н. э. Если же следовать поздним вариантам кушанской хронологии (при начальной дате Канишки = 278 г., наиболее позднем из возможных вариантов, Куджула Кадфиз правил около 180—230 гг. [6]), то оказывается, что прототипом для «сино-кхароштийских» монет послужили наиболее близкие к ним по времени кушанские монеты.

¹³ Обзор состояния проблемы и основная литература, а также краткие сведения о существующих точках зрения приведены [4].

Предлагая конец II—III в. в качестве примерной даты начала выпуска хотанского двуязычного чекана, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что историческая обстановка в Хотане до 80-х годов II в. н. э. (в первую очередь, существование в Хотане китайской администрации), как мне кажется, исключает более раннюю дату начала чеканки монет «сино-кхарошти». Однако возможно, их выпуск продолжался не только в III в., но и в IV в. Остается надеяться, что детальное исследование всех известных в настоящее время монет (и, прежде всего, разработка их относительной хронологии) позволит проверить предлагаемую датировку и внесет в нее необходимые уточнения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бичурин Н. Я. (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М.—Л., 1950.
2. Васильев Л. С., Бань Чао в Западном крае, — ВДИ, 1955, № 1, стр. 108—125.
3. Дьяконова Н. В., Сорокин С. С., Хотанские древности, Л., 1960.
4. Зеймаль Е. В., Кушанская хронология (материалы по проблеме), М., 1968.
5. Зеймаль Е. В., Монеты Великих Кушан в Государственном Эрмитаже, — «Труды Государственного Эрмитажа», 1967, т. IX (Нумизматика, т. 3), стр. 55—86.
6. Зеймаль Е. В., Начальная дата Канишки — 278 г. н. э., — «Международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Тезисы докладов и сообщений советских ученых», М., 1968, стр. 21—25.
7. Массон В. М., Древнебактрийские монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелюкла, — ЭВ, 1956, вып. XI, стр. 65—75.
8. Blanc E., Documents archéologiques relatifs à l'expansion de la civilisation gréco-bactriane au delà du Pamir et à son contact avec la civilisation chinoise dans l'antiquité, — «Actes du congrès international des Orientalistes. Session XI», Paris, 1897, t. V, стр. 233—253.
9. Brong Jh., Comments on third-century Shan-shan and the history of Buddhism, — BSOAS, 1965, vol. XXVIII, стр. 582—612.
10. Droin E., Notice sur les monnaies sino-kharoshthi et sur l'époque probable de leur émission, — «La Gazette Numismatique», 1899—1900, № 6, стр. 105—112; № 7, стр. 129—134.
11. Enoki K., On the So-Called Sino-Kharoshthi Coins, — «East and West», new. ser., 1965, vol. 15, № 3—4, стр. 231—276.
12. Frye R. N., Notes on the Early Coinage of Transoxiana, New York, 1949 (Numismatic Notes and Monographs [of the American Numismatic Society], № 113).
13. Gardner P., The Coins of Greek and Scythic Kings of Bactria and India in the British Museum, London, 1886.
14. Gardner P., The Coins from Kashgar, — «The Numismatic Chronicle», new. ser., 1879, vol. XIX, стр. 274—281.
15. Hoernle R., A Collection of Antiquities from Central Asia. Part I, — JASB, 1899, Extra-Number 1.
16. Hoernle R., Indo-Chinese Coins in the British Collection of Central Asian Antiquities, — «Indian Antiquary», 1899, pt CCCXLVIII (vol. XXVIII), стр. 46—56.
17. de Lacouperie T., Une monnaie bactro-chinoise bilingue du premier siècle avant notre ère, — «[Académie des Inscriptions et Belles-Lettres] Comptes Rendus des Séances de l'Année 1899», — ser. 4, 1890, t. XVII, стр. 338—348.
18. de Lacouperie T., Catalogue of Chinese Coins from VIIth Century B. C. to A. D. 621, Including the Series in the British Museum, London, 1892.
19. Van Lohuizen-de Leeuw J. E., The «Scythian» Period, Leiden, 1949.
20. de Morgan J., Manuel de Numismatique Orientale de l'antiquité et du moyen age, t. I, Paris, 1923—1936.
21. Pulleyblank E. G., Chinese Evidence for the Date of Kaniska, — «Papers on the Date of Kaniska Submitted to the Conference on the Date of Kaniska, London, 20—22 April, 1960», edited by A. L. Basham, Leiden, 1968, стр. 247—258 («Australian National University Centre of Oriental Studies. Oriental Monograph Series», vol. IV).
22. Smith V., Catalogue of the Coins in the Indian Museum, Calcutta, vol. I, Oxford, 1906.
23. Specht M., Notes on the Coins, — [в кн.:] J.-L. Dutreuil de Rhins, Mission scientifique dans la Haute Asie. 1890—1895, pt 3, Paris, 1898, стр. 129—134.
24. Stein A., Ancient Khotan. Detailed Report of Archaeological Explorations in Chinese Turkestan, vol. I—II, Oxford, 1907.
25. Stein A., Innermost Asia, vol. I—III, Oxford, 1928.

26. Stein A., *Serindia*, vol. I—V, Oxford, 1921.
27. Tarn W. W., *The Greeks in Bactria and India*, Cambridge, 1951.
28. Thomas F. W., *The Early Population of Lou-lan-Shan-shan*, — «*The Journal of the Greater India Society*», Calcutta, 1944, vol. XI, № 2, cрp. 15—84 («*Sir Marc Aurel Stein Memorial Number*», pt II).
29. Thomas F. W., *Sino-Kharosthi Coins*, — «*The Numismatic Chronicle*», 6th ser., 1954, vol. IV, cрp. 83—98.
30. Whitehead R. B., *Catalogue of Coins in the Panjab Museum, Lahore*, vol. I, *Indo-Greek Coins*, Oxford, 1914.